Есть внутренняя связь между обращениями Тредиаковского к народной поэзии, которые накапливаются в его работах за 30—60-е годы. Это сказалось, между прочим, в характерной для него манере опираться в новых литературных выступлениях на мысли, которые были им высказаны ранее, и развивать их дальше. Так, в статье «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» автор в прямой связи с вопросами фольклорного стиха ссылается на свое «Мнение о начале поэзии и стихов вообще», а в «Предъизъяснении об ироической пииме» — на труд «О древнем, среднем и новом стихотворении российском».

Впервые Тредиаковский говорит о народной поэзии в «Новом и кратком способе к сложению российских стихов» (1735). Нет необходимости приводить в настоящей статье различные толкования этого трактата. Как бы ни рассматривался вопрос о характере и происхождении реформы Тредиаковского,[17] она отвечала исторической задаче создания национальной версификации и так или иначе обозначила новую веху в истории русской поэтической культуры.

Здесь Тредиаковский прямо указал на русский фольклор как на источник своего нового способа «к сложению российских стихов». Он писал: «. . .поистинне, всю я силу взял сего нового стихотворения из самых внутренностей свойства нашему стиху приличного; и буде желается знать, но мне надлежит объявить, то поэзия нашего простого народа к сему меня довела. Даром, что слог ея весьма не красный, от неискусства слагающих; но слатчайшее, приятнейшее и правильнейшее разнообразных ея стоп, нежели иногда греческих и латинских, падение, подало мне не погрешительное руководство к введению в новый мой эксаметр и пентаметр оных выше объявленных двусложных тонических стоп».[18]

Как показывает приведенный текст, Тредиаковский не ограничивается лишь общим указанием на фольклорные источники нового способа стихосложения. Он говорит о том, *что* именно он взял от фольклора для реформы стиха.

Оригинальность своего «нового стихосложения» Тредиаковский доказывает прежде всего тем, что оно выведено из внутренних свойств русской версификации и, следовательно, отвечает им («силу», т. е. сущность нового способа, он взял из «внутренностей свойства, нашему стиху приличного», т. е. из того, что составляет его качественное своеобразие[19]). Носителем таких свойств, по

[17] Мы имеем в виду толкование реформы Тредиаковского или как открытия, или как следствия и своеобразного «узаконения» постепенной тонизации русского стиха, а также другие ее объяснения.

[18] Тредиаковский. Стихотворения, стр. 351—352.

[19] «Сила... Существо дела» (Словарь Академии Российской, ч. VI, СПб., 1794, стр. 441). «Свойство ... Особенное качество какой-нибудь вещи, отличающее оную от прочих вещей» (там же, стр. 370).